

Время кудесников и умельцев прошло

Всероссийский художественный научно-реставрационный центр имени И.Э.Грабаря — старейшая и крупнейшая в России реставрационная организация. В этом году ей исполнилось 82 года. Как живет сегодня учреждение, которое спасло и ежедневно спасает для отечественной культуры сокровища, многие из которых считались утраченными навсегда? Об этом беседа с Алексеем Петровичем ВЛАДИМИРОВЫМ, директором центра.

— Недавно я побывал во французском городке Драгиньян на Международной конференции по проблеме защиты памятников истории и культуры, музеев во время вооруженных конфликтов и стихийных бедствий. Ее организаторами были Международный совет музеев и несколько французских организаций, объединившихся под названием "Голубой щит" — нечто подобное Гринпису. Были представлены фотографии, фильмы о налетов бомбардировках Югославии, при которых было разрушено и повреждено 35 памятников архитектуры и музеев, о гражданской войне в Ливане, о расстреле знаменитого Бухарестского музея в Румынии во время событий 1989 года. О Чечне был сделан доклад, подготовленный совместно с представителем Министерства по чрезвычайным ситуациям РФ. Ведь именно МЧС сделало очень многое для спасения экспонатов Грозненского музея, обладавшего большими историческими и художествен-

ными ценностями. Здание музея во время первой чеченской войны боевики превратили в укрепленный пункт. Но прежде они вывезли из него все золотые и серебряные вещи, старинную посуду и ковры, старинное оружие, археологическую коллекцию, изделия прикладного искусства. Судьба этих сокровищ сегодня неизвестна. Все это пропало.

Кроме картин. Их сотрудники музея успели спрятать в подвалы. Поэтому они и сохранились. Но в каком состоянии! Переломанные, изрезанные, пробитые пулями и осколками. Полотна — их было около 300 — из Грозного вывозили на вертолетах МЧС. С того времени мы и занимаемся их реставрацией. То, что уже сделано, показывали на выставках. В марте будущего года представим грозненские картины на выставке в Третьяковской галерее.

— Знаменитое полотно Франца Рубо тоже покажете?

— Да. Картину "Взятие Гуниба и

Фото ИКАЛЕДИНОЙ

ра уже дублировали полотно в шестидесятые годы, о чем сохранилась документация. Она нам очень помогла.

Одновременно мы реставрируем и другое его произведение этого выдающегося русского баталиста полотно "Бородинская битва". Во время пожара в здании панорамы в 60-е годы живопись сильно почернела.

— Кто дает деньги на эти работы?

— Наш центр — бюджетная организация Министерства культуры России. Живем мы на крохотный бюджетик. Но для всех музеев страны все работы проводим бесплатно. Только в прошлом году мы выполнили заказы 86 музеев, исполнили 2,5 тысячи работ по всем видам художественного и прикладного искусства. При этом объем работы за последние годы все увеличивается. Пришлось даже штаты расширять. Если в семидесятые годы в центре работали 240 сотрудников, то сейчас — 350. Более того, мы открыли три филиала — в Костроме, Вологде и Архангельске. Это очень важно для сохранения музейных ценностей в этих регионах.

— А как оценивается труд реставраторов?

— До смешного низко. Обычный реставратор получает 357 рублей, а реставратор высшей категории — 640 рублей. И это специалисты с

двадцатилетним и более стажем. Надо в 3-4 раза поднимать стоимость нашего труда. Хотя бы до прожиточного минимума. Поэтому приходится прибавлять. Кое-какие деньги получаем от фонда "Наследие", от работы с так называемыми "богатыми" музеями, которым местная администрация выделяет средства на реставрацию. Это, например, музеи Тулы, Орла, Екатеринбурга, Красноярска, Вологды. Из "бедных" назову Архангельский музей, с которого мы, естественно, ничего не берем.

— А как организована работа реставраторов на Западе?

— Там другой подход. В западных музеях штатных реставраторов очень немного. Там каждый год определяют, какие работы надо выполнить, и под них нанимают соответствующих специалистов. Нам эта система не подходит, поскольку фонды зарубежных музеев находятся не в таком ужасном состоянии, как у наших музеев.

Поэтому нам нужны постоянные штатные реставраторы. И такой порядок сохранится у нас еще лет 100 — 150, пока не будут все музейные ценности приведены в божеский вид. В России иную реставрационную систему может себе позволить разве лишь Эрмитаж, где реставраторы работают еще с XVIII века.

— Какие глобальные проблемы существуют сегодня в

реставрационном деле?

— В реставрации я работаю тридцать лет. На моих глазах она из ремесла превращается в науку. Как говорил покойный академик Лихачев, реставратор высшей квалификации вполне может быть приравнен к доктору наук. К слову, в нашем центре есть доктор наук — Александр Рыбаков.

Сегодняшняя реставрация музейных ценностей ставит перед нами жесткие требования. Прежде чем начать какую-либо работу, реставратор должен защитить свое право на это перед лицом специального совета, состоящего из высококвалифицированных и опытных специалистов. В дальнейшем о каждом этапе работы он обязан докладывать совету, доказывая необходимость тех или иных действий. Это и есть научный подход в реставрации.

Ремесленник, пусть очень умелый, уже не в моде. Время кудесников и умельцев прошло. Теперь о проблемах в нашем деле говорится открыто, широко со всеми практическими подробностями.

— Не означает ли это, что прошло и время неожиданных открытий и сенсаций?

— Нет. И сейчас таких открытий предостаточно. Так, еще в семидесятые годы из Кирилло-Белозерского музея к нам пришло несколько "безнадежных" икон. Мы взя-

лись их восстановить. Недавно столь длительный труд завершился. Среди спасенных произведений оказалась икона "О тебе радуется", автором которой является художник круга Дионисия, а может быть, и сам великий мастер. Вероятно, в феврале будущего года мы покажем икону на выставке в Историческом музее.

Сейчас реставрируется очень красивый итальянский складень XV века, который поступил из петербургского Музея религиозных течений. Складень так тонко записан, что эти наслоения можно снять лишь под сильным микроскопом специальным скальпелем, изготовленным из титановой иглы. Но работать можно не более двух часов в день.

Для Иркутского музея мы восстановили три больших китайских живописных свитка XVII века, которые также считались "безнадежными". А еще отреставрировали полотно Тьеполо из Музея-усадьбы "Архангельское" и с успехом показали их в Париже. Работаем с 30 старинными и весьма своеобразными барочными иконами из Красноярска. Чем это не открытия?!

— Я нередко бываю в мастерских центра, и меня ужасают условия труда сотрудников.

— К сожалению, это так. Мы располагаемся в трех бывших храмах, не приспособленных для работы

реставраторов. Как-то их обустроить нельзя — они являются памятниками архитектуры. Неудобство состоит еще и в том, что сейчас нам приходится некоторые помещения делить с церковными общинами. Это плохо и для нас, и для них. Конечно, храмы надо вернуть верующим. Но куда нам деваться?

Недавно мэр Москвы Юрий Михайлович Лужков выделил нам на улице Дурова клочок земли практически с руинами на нем. Чтобы заново построить здание, потребуются значительные затраты. Однако Министерство культуры России дает нам очень мало денег. Складывается впечатление, что строительство нового здания реставрационного центра никому, кроме нас, не нужно — ни государству, ни правительству. Еще и еще раз приходится доказывать, что мы спасаем и сохраняем не только уникальные художественные сокровища, но и огромные материальные ценности. Например, рыночная цена спасенной от гибели иконы "О тебе радуется" — полмиллиона долларов. И таких примеров я могу привести много.

Моя мечта — успеть до пенсии, а до нее мне шесть лет, построить новое здание центра, где реставраторы смогут нормально работать.

Беседу вел
Евграф КОНЧИН